

С.А. Папков*

**СВОЕОБРАЗИЕ И ПАРАДОКСЫ
ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ 1937 ГОДА****doi:10.31518/2618-9100-2024-1-7
УДК 94(47).084.5

Выходные данные для цитирования:
Папков С.А. Своеобразие и парадоксы избирательной кампании 1937 года // Исторический курьер. 2024. № 1 (33). С. 119–129.
URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-07.pdf>

S.A. Papkov*

**PECULIARITIES AND PARADOXES
OF THE 1937 ELECTION CAMPAIGN****

doi:10.31518/2618-9100-2024-1-7

How to cite:
Papkov S.A. Peculiarities and Paradoxes of the 1937 Election Campaign // Historical Courier, 2024, No. 1 (33), pp. 119–129. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-1-07.pdf>]

Abstract. The publication presents an analysis of the election campaign for the elections to the Supreme Soviet of the USSR, in which for the first time it was planned to use democratic procedures of universal participation of citizens, free nomination of candidates and secret ballot as a condition for the transition of the USSR from the “dictatorship of the proletariat” to a new phase of “construction of socialism” and expansion of the social base of Soviet power. It is noted that, in practice, these principled attitudes came into deep contradiction with the existing realities, creating for the political regime complex collisions and paradoxes in the conduct of the campaign. In preparing for the elections, the Stalinist leadership had to face unexpected reactions from the population and complications within the Bolshevik Party itself, whose apparatus had no experience of civil dialog and no desire to participate in the competitive selection of candidates. It is concluded that fears of losing control of the upcoming vote and growing discontent within the party apparatus forced the Stalinist leadership to abandon the adopted electoral law and completely change the electoral scenario. The relatively free nomination of candidates to the Supreme Soviet, which had begun, ceased, and voting in the elections became non-alternative. The article gives examples of the development of the electoral campaign in the conditions of Siberia. The author assesses the importance of propaganda methods of influencing the population on the eve and during the elections. It is also shown what connection the preparation for the elections had with the mass terrorist operations of the NKVD in 1937.

Keywords: Constitution, elections to the Supreme Soviet of the USSR, election campaign, propaganda, agitators, party apparatus, voting, ballots, voters, terror.

The article has been received by the editor on 02.10.2023. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Сергей Андреевич Папков**, доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: spapkov@ya.ru

Sergey Andreevich Papkov, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: spapkov@ya.ru

** Статья выполнена в рамках темы государственного задания Минобрнауки РФ «Социум и власть в России в XX – начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов» (FWZM-2024-0008).

The article was carried out within the framework of the state task of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation “Society and Power in Russia in the 20th – early 21st Centuries: Political Participation, Communication, Identity of Actors” (FWZM-2024-0008).

Аннотация. В публикации представлен анализ избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР, в которой впервые планировалось использовать демократические процедуры всеобщего участия граждан, свободного выдвижения кандидатур и тайного голосования как условия перехода СССР от «диктатуры пролетариата» к новой фазе «строительства социализма» и расширения социальной базы советской власти. Отмечается, что на практике эти принципиальные установки вошли в глубокое противоречие с существующими реалиями, создав для политического режима сложные коллизии и парадоксы в проведении кампании. В ходе подготовки к выборам сталинскому руководству пришлось столкнуться с неожиданными реакциями населения и осложнениями внутри самой большевистской партии, аппарат которой не имел никакого опыта вести гражданский диалог и стремления участвовать в конкурентном отборе кандидатов. Содержится вывод о том, что опасения потерять контроль за ходом предстоящего голосования и растущее недовольство внутри партаппарата заставили сталинское руководство отказаться от принятого избирательного закона и полностью изменить сценарий выборов. Начатое относительно свободное выдвижение кандидатур в Верховный Совет прекратилось, голосование на выборах стало безальтернативным. В статье приводятся примеры развития электоральной кампании в условиях Сибири, дается оценка значения пропагандистских методов воздействия на население накануне и в ходе выборов. Также показано, какую связь имела подготовка к выборам с массовыми террористическими операциями НКВД 1937 г.

Ключевые слова: Конституция, выборы в Верховный Совет СССР, избирательная кампания, пропаганда, агитаторы, партаппарат, голосование, бюллетени, избиратели, террор.

Статья поступила в редакцию 02.10.2023 г.

Современная научная литература, посвященная истории сталинизма, довольно подробно анализировала события 1937 г., уделив значительное внимание таким политическим кампаниям, как выборы в Верховный Совет и террор. Исследователи-правоведы выявляли особенности избирательного процесса этой эпохи, подробно комментировали нормативные акты и формальные процедуры выборов¹. Историки в основном были сосредоточены на изучении конкретных фактов и взаимосвязи событий, составляющих общую картину политической жизни страны. Описывая избирательную кампанию 1937 г., они стремились понять ее содержание и скрытые замыслы сталинского руководства, найти связь между организацией выборов и сопровождавшими ее акциями террора².

В представленной статье ставится задача проанализировать ход подготовки и проведения электоральных мероприятий, связанных с выборами в Верховный Совет СССР, выявить особенности и парадоксы этой кампании, показать реакцию местных властей, а также описать некоторые формы общественного поведения в ходе подготовки и проведения голосования в Сибири.

¹ Журавлев В.П., Фортунатов В.В. Избирательная система и выборы в РСФСР в 1937–1987 годах // Журнал о выборах. 2014. № 1. С. 39–49; Курьянович А.В. Выборы в Верховный Совет СССР 1937 г. как легитимация советского общественно-политического режима (на примере Белорусской ССР) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. Т. 22, № 1. С. 46–53; Макарецев А.А., Юсубов Э.С. Выборы в Верховный Совет СССР 1937 года как этап формирования отечественного избирательного права и процесса (на материалах Западно-Сибирского края) // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 4. С. 48–61.

² Павлова И.В. 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 19–37; Дорожкина Я.Б. Избирательные кампании по выборам в верховные и местные советы Западной Сибири: 1937–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004; Кропачев С.А. Советская пропаганда 1937–1938 годов о масштабах массовых политических репрессий // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 2. С. 76–91; Папков С.А. Выборы в Верховный Совет СССР 1937 года. Внедрение советских избирательных манипуляций // Вопросы истории. 2016. № 11. С. 3–15.

Принятие Конституции СССР в 1936 г. рассматривалось сталинским руководством как вступление в новую историческую эпоху. Впервые после захвата власти большевиками планировалось совершить решительный шаг к некоей новой форме политического режима с элементами «подлинной народной демократии», прикрытой расширенным участием масс в формировании институтов власти. Этот шаг, согласно новой (третьей) советской Конституции, должен был закрепить в стране такие демократические процедуры народовластия, которые уже действовали в цивилизованных странах – всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании с некоторым (хотя бы формальным) допущением конкурентной борьбы претендентов на места в законодательный орган страны. Намечаемые реформы естественным образом расширяли бы социальную базу режима. И в этом состоял значительный интерес правящей группы. Ей важно было продемонстрировать всему миру (и самим себе), что власть в стране Советов – не диктатура малочисленной партии, неизвестно откуда появившейся в 1917 г., а широко поддерживаемая, укорененная в обществе политическая система как власть самого народа.

Конечно, было бы большим преувеличением считать, что сталинское руководство намеревалось осуществить реальные демократические перемены, предоставив гражданам самим определять пути развития страны и выступать своеобразным арбитром политики большевиков³. Это явно противоречило бы всем канонам большевизма, согласно которым народная масса вообще не признавалась в качестве субъекта политики. Кроме того, после зверств эпохи Гражданской войны, насилия в период коллективизации, беспощадных кадровых чисток, расправы с церковью и религией руководство партии и его спецслужбы хорошо знали истинные настроения в обществе и отношение народа к политике коммунистов. Поэтому намечаемая грандиозная избирательная кампания неизбежно должна была стать каким-то необычным мероприятием, парадоксальным политическим экспериментом, в котором партийный аппарат, воспитанный классовыми боями, чистками и террором, приученный управлять с помощью лишь административных мер, готовился внедрять принципы демократии в виде конкурентных выборов и всеобщего голосования.

Начало избирательной кампании было положено публикацией в печати в июне 1937 г. «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» как главного избирательного закона. Этот документ ясно описывал основные процедуры и формы предстоящих выборов: подготовку списков избирателей, образование участков для голосования, создание избирательных комиссий, порядок выдвижения и регистрацию кандидатов, подсчет голосов и другие процедуры, характерные для любых всеобщих выборов⁴. Однако самой важной новацией были пункты главы VII «Положения», описывавшие порядок голосования. В них содержалось указание о том, что на избирательном участке каждому участнику тайного голосования будет выдан бюллетень с фамилиями нескольких кандидатов в депутаты и избирателю предстоит самостоятельно выбрать одного из них, «за которого он голосует, вычеркивая остальных».

Для большинства граждан представлялась, таким образом, новая, совершенно неведомая в советских условиях реальность, в которой звучал и новый политический язык с необычными оборотами: «равные выборы», «бюллетени», «избирательные урны», «тайное голосование», «вычеркивание остальных»...

Но встреча с этой реальностью в расколоте обществе понималась по-разному. В массе голосующего населения ее принимали с неподдельным энтузиазмом, о котором в сильно преувеличенной форме ежедневно рассказывала советская пресса, между тем как в недрах партийно-государственного аппарата явно преобладало настороженное настроение. Для многих аппаратчиков впереди возникало непонятное и даже пугающее будущее. Газеты предупреждали: «Наступает время суровой проверки каждого работника – не по речам,

³ Подобные нарративы, изображающие Сталина в качестве главного поборника демократических реформ и конкурентных выборов, содержатся в ряде известных публикаций. См.: Жуков Ю.Н. Репрессии и конституция СССР 1936 года // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 3–25; Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2015.

⁴ Правда. 1937. 10 июля; Известия. 1937. 10 июля; и др.

а по делам будут судить массы о том или ином руководителе»⁵. О том, что может ожидать руководящие кадры, открыто говорил Сталин, и его слова тиражировали другие руководители государства: «Миллионы избирателей будут подходить к кандидатам, отбрасывая негодных, вычеркивая их из списков, выдвигая лучших и выставляя их кандидатуры. <...> Наша новая избирательная система подтянет все учреждения и организации, заставит их улучшить свою работу. Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы в СССР будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти»⁶.

С лета 1937 г. по всей стране развернулась активная подготовительная работа с участием огромного управленческого аппарата и сотен тысяч граждан. Формировались избирательные округа, проводились массовые митинги; тысячи агитаторов, отобранные в партийных кабинетах, были направлены на предприятия, в колхозы и учреждения, чтобы вести разъяснительные беседы об избирательном законе, Конституции, достижениях советской власти и предстоящих выборах. Особый размах кампании придавала периодическая печать, повсеместно распространяемые плакаты и массовые брошюры.

В эти предвыборные месяцы партия оказалась лицом к лицу с той массой, которой она до сих пор управляла, не считаясь с ее интересами. Впервые ей пришлось вступить с ней в открытый диалог, вникать в повседневные проблемы низов, выслушивать их претензии и жалобы и, наконец, узнать много нового о положении в стране. Эти народные голоса особенно болезненно звучали из среды тех, кого принято было считать рабочим классом – опорой партии и советской власти. Так, один из парторганизаторов, проводивший агитацию в поселках угольной шахты «Центральная» в Кузбассе, сообщал обкому ВКП(б): «...До сего времени, до момента начала этой работы мы не знали абсолютно о том, кто [там] живет, какие настроения у этого населения, какие потребности, какие запросы. <...> Через эти беседы мы смогли ознакомиться с этим населением, смогли получить богатейший материал. Помимо вопросов, которые задавались по изучению “Положения”, были массовые вопросы бытового порядка – о ремонте квартир, о плохой работе торговых организаций, жалобы по производству и так далее»⁷.

Проблемы для партии усугублялись еще и тем, что ее многочисленные агенты – агитаторы и активисты – совершенно не умели разговаривать с населением. Любые практические и нетривиальные вопросы граждан ставили их в тупик: «Почему рабочие живут лучше колхозников? Почему не хватает мануфактуры? Что будет, если колхоз распадется, кому тогда перейдут фонды? Разве можно построить коммунизм в одной стране?»... Раздавались и уж совершенно фантастические заявления людей, требовавших ответа: «Куда денется товарищ Сталин, если его не выберут?»⁸.

Открывалась сложная и не вполне понятная перспектива: если право голоса предоставляется всем слоям общества, включая миллионы ущемленных, недовольных и обездоленных, малограмотных или вовсе неграмотных граждан, каких тогда результатов следует ожидать от их участия в тайном голосовании? Перед руководством партии неизбежно возникала

⁵ Известия. 1937. 9 июля.

⁶ Там же. 1936. 5 авг.; 1937, 8 июля.

⁷ Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 1. Д. 77. Л. 7.

⁸ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 3. Л. 126–128; Д. 9. Л. 107. Характерным свойством кампании был не только низкий уровень большинства пропагандистов, но и сами кандидаты «из народа» иногда представляли собой типичный декоративный образец. В одном из отчетов сообщалось о таком примере: «...Тов. Картавая – азбучно малограмотная. Ее учитель – это ее собственная дочь, которая сама учится в пятом классе. 3 декабря тов. Картавая должна была выступить с речью по радио, но выступление не состоялось и было перенесено на следующий день только потому, что из-за слабой грамоты она не успела подготовиться. На одном из своих выступлений в Зырянском районе она выразилась так: “Надо бороться с врагами народа – троцкистами, бухаринцами и прочей интеллигенцией”. Когда после этого собрания прикрепленный к ней “политком” прочитал ей вслух выступление тов. Калинина на собрании избирателей – представителей трудовой интеллигенции города Ленинграда, она откровенно ему заявила: “То, что интеллигенция у нас трудящиеся, я в первый раз слышу”» (ГАНО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 74. Л. 307–308). Трактористка из Мариинского района Кузбасса Анна Картавая была депутатом Верховного Совета СССР 1-го и 2-го созывов.

проблема относительно того, как проводить процедуру голосования и как подсчитывать голоса избирателей.

Уже первые шаги по подготовке к избирательной кампании обнаружили, что и в самой партии нет полной согласованности действий. Неожиданностью стало то, что на разных этажах партаппарата возникли определенные расхождения в понимании сущности самих выборов. Это выявилось сразу, как только началась процедура формирования списков кандидатов в депутаты. Предоставив первоначально инициативу низовому звену – райкомам ВКП(б) – право подбирать претендентов на роль народных избранников, руководство партии очень скоро осознало, что этот подход был серьезной ошибкой и что низовой аппарат не способен проводить в жизнь правильную линию ЦК в столь серьезном вопросе. Такая оценка была вызвана тем, что в райкомах партии отнеслись к положениям Конституции и избирательного закона слишком серьезно. Иначе говоря, в этом звене партаппарата восприняли предстоящие выборы как реальный переход к демократии, открывающий путь к общественному примирению и расширению прав граждан, в том числе праву баллотироваться в депутаты не одним лишь выдвиженцам партии.

Однако в правящей верхушке царили совершенно иные взгляды. Сталин и его окружение полагали, что партия и ее аппарат не могут ослаблять свою власть, отдавая часть полномочий каким-то случайным «избранникам». Выборы не должны проводиться по образцу «буржуазной демократии» с элементами непредсказуемости – в СССР своя «социалистическая демократия», смыслом которой является «историческое право» вождей вести народ за собой и указывать ему «единственно правильный путь».

Это противоречие во взглядах внутри партаппарата отчетливо выразил секретарь Красноярского крайкома ВКП(б) С.М. Соболев на октябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Он говорил: «Должен сказать, что при отборе людей в высший орган нашего государства мы обнаружили целый ряд таких возмутительных фактов совершенно недопустимого подхода к подбору людей, когда согласно нашим указаниям должны быть подобраны товарищи, которых нужно было рекомендовать в Верховный Совет, и когда мы получили уже списки с рекомендациями из районов, от райкомов партии, а потом решили проверить, какое качество этой отборочной работы, <...> то среди рекомендованных райкомами оказались бывшие колчаковцы, каратели, т.е. проверка и отбор людей в районах были поставлены из рук вон плохо. Мы это дело сейчас поправили и уже имеем отобранный состав товарищей, которых рекомендуем в Совет Национальностей и Союзный Совет»⁹.

Райкомы ВКП(б), таким образом, оказались неподходящим механизмом для отбора кандидатов и доверять им столь ответственную процедуру было недопустимо. Секретарям обкомов и крайкомов, как представителям ЦК на местах, пришлось лично заниматься этим делом, привлекая органы НКВД.

На том же октябрьском пленуме ЦК секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) Р.И. Эйхе докладывал: «...Вопрос, которым мы крепко занимались, это вопрос подбора кандидатов. <...> Кандидатов мы с секретарем Алтайского крайкома товарищем Гусевым вместе подбирали, проверили через все соответствующие органы».

Сталин тут же отреагировал: «Вредителей много попало?»

Эйхе: «Мне трудно сказать, думаю, что ни одного нет. Кого мы не знали лично, вызывали»¹⁰.

Упомянутый пленум ЦК ВКП(б), проходивший 11–12 октября 1937 г., определил дальнейшие практические шаги партии в проведении избирательной кампании. Вопрос о выборах был первоочередным в повестке дня. Поскольку основные принципы деятельности партии в предвыборный период и процедуры допуска народных масс к голосованию были уже выработаны в недрах сталинского аппарата, участники пленума ЦК сосредоточились на обсуждении трудностей на местах. В ходе обсуждения выявился огромный круг

⁹ Институт выборов в Советском государстве 1918–1937 гг. в документах, материалах и восприятии современников. М., 2010. С. 807.

¹⁰ Там же. С. 759.

проблем. Что делать с безграмотными людьми? Как работать с сельским населением и жителями отдаленных районов, лишенных связи с участками агитации и голосования? Как привлечь к участию в выборах матерей с малолетними детьми и беременных женщин? Что делать со стариками, домохозяйками и людьми в тяжелом материальном положении?

Руководству партии открылось множество деталей реальной картины на местах, предстало положение сотен тысяч людей, неизвестных ему ранее и живших вне всякой политики. К этим человеческим проблемам прибавлялись острые организационные и технические задачи подготовки к выборам. Выступавшие говорили о дефиците бумаги, топлива, агитационных материалов, печатных гранок, шрифтов, о трудностях с доставкой бюллетеней и самих избирателей на участки и о многом другом.

О главных установках Политбюро относительно запланированных итогов голосования докладывал В.М. Молотов. «...Наша задача, – сказал он, – заключается в том, чтобы не противопоставить и не отделить нас, нашу партийную организацию от массы рабочих и крестьян. В связи с этим обсуждался вопрос также о том, какое количество беспартийных надо считать нормальным для введения в состав депутатов в Верховный Совет. Общее мнение Политбюро такое, что надо иметь примерно в среднем для всего СССР до 20 % беспартийных в составе Верховного Совета. <...> Разумеется, вся работа по выдвижению кандидатов в депутаты в Верховный Совет должна быть по-настоящему под контролем и руководством парторганизации...»¹¹.

Прояснив вопрос о «нормальных процентах» для беспартийных и о сроках проведения предвыборных собраний, участники пленума перешли к обсуждению проблем в регионах. Поскольку массовая операция НКВД по изъятию «враждебных элементов» охватила уже всю страну, участники, прибывшие с мест, не могли обойти вниманием эту тему. Вопрос о репрессиях стал рассматриваться как составная часть предстоящих выборов в Верховный Совет. Партийных секретарей беспокоила проблема участия в выборах потенциальных противников режима – бывших кулаков, церковников, административно ссыльных и других категорий «несоветского» электората. Запретить им голосование было невозможно по требованию новой Конституции. Но и допустить их к урнам представляло значительную опасность.

Вопрос о кулаках и контрреволюционерах первым поднял секретарь Куйбышевского обкома ВКП(б) П.П. Постышев. Он попросил руководство партии уточнить позицию в отношении этой группы выборщиков, так как до сих пор никаких инструкций на этот счет сверху не поступало. Ему и другим ораторам отвечал Сталин, вставляя реплики в духе сторонника советского закона.

Постышев говорил: «Требуется разъяснение – будут ли участвовать в выборах спецпоселки внутреннего значения? [т.е. спецпереселенцы. – С. П.]

Сталин: Они прав не лишены.

Постышев: Ну, хорошо, пусть выбирают! (Смех, много реплик). Уж больно сволочной они народ»¹².

Затем выступил секретарь обкома Р.И. Эйхе. Он рассказывал о тщательном отборе кандидатов в депутаты, о массовых настроениях работников на заводах и в деревне, а также о результатах ликвидации врагов народа в крае. В этом месте выступления между Эйхе и Сталиным возник показательный диалог.

«Я давно ведь в Сибири, вы это знаете, – говорил Эйхе с трибуны, – я не могу припомнить год, когда во всех районах, куда ни приедешь, встречаешь такой подъем и такие положительные настроения, какие встречаешь в этом году.

Сталин: Хлеба много.

¹¹ Институт выборов в Советском государстве... С. 751–752.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 625. Л. 27. Этот и другие подобные фрагменты стенограммы пленума ЦК не вошли в сборник документов «Институт выборов в Советском государстве 1918–1937 гг.». См.: Институт выборов в Советском государстве...

Эйхе: Хлеба много, это факт, это верно, в этом основа, но ведь бывали и раньше урожайные года, бывал недород в одном месте и хороший урожай в другом.

Сталин: От вредителей освобождаются, рады.

Эйхе: Это верно. Прделана большая массовая работа, новые люди поднялись. И то, что мы крепко погромили базу организованной контрреволюции – это великая положительная работа, которая оздоравливающе подействовала на обстановку, особенно в отдаленных глухих районах, в притаенных местах. Я только [что] перед Пленумом там был, там столько было сволочей окопавшихся – и полковников, и генералов, – что, когда эту дрянь оттуда забрали, почистили, погромили эту массовую базу контрреволюции, это сразу помогло нашей работе...»¹³.

О необходимости репрессий в связи с предстоящими выборами высказывались и другие участники пленума. Секретарь Архангельского обкома ВКП(б) Д.А. Конторин был особенно настойчив. Он говорил о показательных судебных процессах в области, об активной работе областной тройки НКВД по выкорчевыванию врагов и о том, что обком будет просить ЦК ВКП(б) «увеличить лимит по первой категории в порядке подготовки к выборам». Он подчеркнул также, что новый лимит ЦК ВКП(б) для области на расстрел 400–500 человек «помог бы нам лучше подготовиться к выборам в Верховный Совет»¹⁴.

Секретарь Курского обкома Г.С. Пескарев неожиданно обратил внимание на то, что работники государственного аппарата на местах часто сами создавали условия для протестных настроений. Он отметил: «...При полной уверенности в том, что огромное, подавляющее большинство избирателей будет голосовать за наши кандидатуры, мы должны будем найти, именно найти всех тех избирателей, у которых имеются неважные настроения, у которых имеются обиды и подчас законные обиды на советскую власть, причиненные им отдельными представителями советской власти... Забрасывать этих людей, сбрасывать их со счетов, не поработать с ними, не разбить эти настроения было бы, конечно, неправильно...»¹⁵.

По мере того как избирательная кампания расширяла свои масштабы, население начинало яснее представлять значение предстоящего мероприятия. Документы партийных органов в Сибири фиксировали немало фактов, свидетельствующих о том, что многие граждане, в том числе рядовые коммунисты, отчетливо видели фиктивный характер кампании и имели смелость открыто говорить об этом на агитационных собраниях. «В Доволенском районе, – сообщалось в одном отчете, – кулацкие последыши пытались дать свое толкование права выставлять кандидатов в Верховный Совет СССР, распространяли слухи о том, что “списки кандидатов пришлют из Москвы”, поэтому они предлагали, чтобы “каждая организация, колхоз, профсоюз, комсомол выставляла не одну и ту же кандидатуру, а разные”»¹⁶.

Но наибольшие опасения властей вызывали группы активного сопротивления – «классово-враждебные элементы» в лице религиозных и сектантских общин, призывавшие к бойкоту выборов. Поведение этих групп, выдаваемое за «террористические вылазки», подавлялось органами НКВД самым жестоким способом.

В ноябре 1937 г. от имени нового секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) И.И. Алексеева райкомам партии было разослано секретное письмо, требовавшее решительных мер для подавления «контрреволюционных террористических действий». «В ряде районов (Тогучинском, Беловском, Ояшинском, Асиновском, Кожевниковском и других), – говорилось в нем, – участились факты контрреволюционных террористических вылазок, направленных, в частности, против активистов избирательной кампании. Эти вылазки являются ответом врагов народа на проводимую областной парторганизацией и органами НКВД работу по разоблачению и выкорчевыванию контрреволюционных троцкистско-бухаринских вредителей, шпионов и диверсантов. Террористические вылазки вражеских

¹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 625. Л. 40.

¹⁴ Институт выборов в Советском государстве... С. 790.

¹⁵ Там же. С. 798–799.

¹⁶ ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 74. Л. 9–10.

элементов направляются на срыв предвыборных собраний и совещаний и дезорганизацию всей избирательной работы. Обком партии обязывает все судебно-следственные органы области срочно провести расследование по всем контрреволюционным террористическим вылазкам, а также немедленно провести судебные процессы с применением высшей меры наказания – расстрела – не только в отношении непосредственных организаторов и исполнителей террористических актов, но и в отношении лиц, причастных к этим контрреволюционным действиям»¹⁷.

В письме не приводилось никаких фактов «террора», но местные работники понимали, что нужно делать.

До осени 1937 г. избирательная кампания в целом развивалась в рамках того сценария, который вытекал из «Положения о выборах». Однако в октябре руководство партии пришло к пониманию, что продолжать подготовку в прежних формах невозможно. Нельзя сохранять порядок, напоминающий стихию, когда кандидатами от «общественных организаций» и на колхозных собраниях произвольно выдвигают неизвестно кого, включая председателей колхозов, сельских советов и самих агитаторов, одновременно отклоняя членов Политбюро; когда избирателям объясняют, как в бюллетени «вписывать желаемые кандидатуры» и «вычеркивать остальных».

Началось радикальное изменение всей предвыборной технологии¹⁸. Прежде всего произошло усложнение процедуры отбора доверенных лиц и членов избирательных комиссий. С ноября было запрещено выдвигать доверенных лиц напрямую на собраниях коллективов. Собрания теперь могли лишь посылать своих представителей на районные совещания и уже там представители избирали доверенных под руководством райкомов ВКП(б).

Но решающая акция последовала 10 ноября. В этот день было объявлено, что вожди партии и государства – 23 человека – снимают свои кандидатуры во всех округах, кроме одного, как этого требует закон о выборах. Вслед за этим перевернулась и вся пропагандистская кампания, исключившая сценарий конкурентного голосования. На всех уровнях развернулось массовое разъяснение того, что в бюллетенях останется только по одной кандидатуре и «ничего вычеркивать не нужно».

С этого момента исключительную роль стала играть информационная обработка населения – пропаганда превратилась в главное средство подготовки к выборам. Впервые в истории массовых кампаний была поставлена задача дойти до каждого избирателя и каждой семьи, чтобы достичь две главные цели: во-первых, убедить население в том, что голосование за одного кандидата является лучшим выражением поддержки советской власти; во-вторых, добиться максимальной явки избирателей в доказательство широкого признания режима.

Именно этим была продиктована закрытая директива Сталина от 16 ноября 1937 г. всем партийным комитетам, в которой на первый план выдвигались «вопросы техники выборов»¹⁹.

Получив новое направление, избирательная кампания перешла в область «критики недостатков» и «исправления ошибок». Теперь сама постановка вопроса о выборе кандидата, о зачеркивании фамилий и исправлениях в бюллетенях признавалась «фактами враждебных вылазок».

Одновременно потребовалось также обновить состав агитаторов, не сумевших уяснить смысл произошедшего поворота или открыто выражавших свое несогласие с упразднением конкурентного голосования. Часть из них была немедленно отстранена, некоторых подвергли аресту. Из Ояшинского района Новосибирской области докладывали: «Утвержденный райкомом партии чтецом Рябушов Владимир, который в своем кружке агитировал, что необязательно голосовать за [председателя райисполкома] Торбину и [командующего

¹⁷ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 74. Л. 14.

¹⁸ Подробнее об этом повороте см.: Папков С.А. Выборы в Верховный Совет СССР... С. 3–15.

¹⁹ Павлова И.В. 1937: выборы как мистификация... С. 33; ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 822. Л. 74–74 об.

СибВО] Антонюка, говорил, что можете свою кандидатуру записать в бюллетень... Его разоблачили и он посажен органами НКВД»²⁰.

Уполномоченный обкома ВКП(б) в Барзасском районе (Кузбасс) Глухов доносил: «Всего по району насчитывается 586 агитаторов. В ряде случаев их подбор проходил без тщательной проверки, в результате чего получилось засорение классово-чуждыми враждебными элементами».

Другой уполномоченный в Искитимском районе сообщал о «контрреволюционных выпадах» со стороны агитаторов в селе Преображенка, которые «пытались ревизовать Сталинский закон»: «Они говорили, что по статье 85-й можно вычеркивать кандидатуры и выставлять своего кандидата. “Сейчас же выставлено только два кандидата [в две палаты]. Зачем тогда собираться и голосовать 12 декабря?” – Мы немедленно выявили лицо этих агитаторов... было установлено, что они из “бывших людей”, они связаны с чуждыми нам людьми»²¹.

За две-три недели до дня голосования пропагандистское воздействие на население было доведено до высшей точки и напоминало своеобразную мобилизацию граждан для совершения какого-то коллективного героического поступка. Добиваясь тотального охвата избирателей, партия двинула в гущу масс дополнительные отряды агитаторов. Особая ставка в эти дни делалась на такую новую форму, как уличные и подворные кружки, в которых вновь и вновь рассказывали о достижениях в стране, о Конституции и правилах голосования. В ряде районов практиковали обходы активистов по домам и квартирам граждан.

О беспрецедентном характере нажима на граждан после 16 ноября сообщали многочисленные сводки из самых различных мест Сибири. Активист из Тегульдского района докладывал: «Кружковые занятия проведены по 13 кружкам, всего – 68 занятий, каждый кружок занимался по 5–6 раз. Посещаемость хорошая – 70–80 процентов и больше. <...> на моем участке четыре колхоза пяти поселков, проведено 13 собраний, на них присутствовало 393 избирателя»²².

Наконец, наступил ключевой момент всей кампании – 12 декабря. Однако и в этот день пропагандистское усердие партии не прекратилось. Местные партячейки и агитаторы продолжали вести открытую кампанию воздействия на избирателей непосредственно на участках для голосования, хотя статья 82 «Положения о выборах» ясно указывала, что «выборная агитация в избирательном помещении во время подачи голосов не допускается». Но на закон уже внимания никто не обращал. Более того, в некоторых районах накануне голосования было объявлено «социалистическое соревнование» на достижение стопроцентной явки избирателей, для чего в некоторых случаях на участки на руках приносили немощных стариков и инвалидов²³.

Итоги выборов в Верховный Совет, как и рассчитывало сталинское руководство, выразились в форме политического триумфа партии – практически полной поддержкой всех кандидатов при максимально возможной явке избирателей. Но даже официальная статистика не стала отрицать наличия протестного голосования. В частности, в огромной Новосибирской области (три современных региона – Кемеровская, Новосибирская и Томская области) оказалось 20 599 бюллетеней (1,0 %), в которых кандидаты в депутаты были вычеркнуты. По Новосибирскому городскому округу таких бюллетеней было 2,3 %, по Томскому округу – 0,71 %²⁴. Сотни бюллетеней голосующие унесли с участков.

Избирательная кампания 1937 г. стала первым советским опытом использования демократических выборных процедур в условиях диктатуры, и в этом состояло ее основное своеобразие. Как крупнейшее политическое мероприятие, она продемонстрировала целый ряд особенностей, которые стали для режима классическим образцом и нормой на весь последующий период его существования в СССР. Этой нормой явилось манипулирование

²⁰ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 78. Л. 127.

²¹ Там же. Л. 32–33, 108.

²² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 81. Л. 35.

²³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 78. Л. 111, 113.

²⁴ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 13. Л. 3.

техникой голосования и массовым сознанием неопытного населения с неразвитой политической культурой в целях достижения практически любого желаемого результата. Характер подготовки и проведения всеобщих выборов на основе новой Конституции показал, что в первые месяцы кампании (с июля по октябрь) сталинское руководство неясно представляло себе, каким образом следует развивать электоральный процесс и каких последствий можно ожидать на этом пути. Руководствуясь первоначально выбранным планом – «Положением о выборах», оно привлекало голосующее население лозунгами общедемократического свойства, позволяя обсуждать избирателям процедуры относительно свободного выдвижения кандидатур и тайного конкурсного голосования в бюллетенях. Одновременно с этим квазидемократический настрой не помешал Сталину начать кампанию массового террора в отношении целых групп населения, рассчитанную, вероятно, отрезать голоса потенциальных противников режима.

Документальные источники свидетельствуют о том, что и сам партаппарат в первые месяцы воспринимал предстоящее электоральное мероприятие в привычной для себя манере. Он относился к нему так же, как и ко всем прошлым идеологическим кампаниям, по большей мере лишь имитируя бурную деятельность проведением митингов и собраний, что на практике приводило к многочисленным просчетам и запоздалым решениям на каждой стадии подготовки к выборам: при выдвижении кандидатов, отборе доверенных лиц и агитаторов, при составлении списков избирателей и организации пропаганды.

За полтора-два месяца перед голосованием (октябрь-ноябрь) режиму потребовалось произвести глубокую коррекцию избирательной кампании под влиянием возросшей неуверенности в получении «нужных» итогов голосования и появлением недовольства региональной номенклатуры. Тенденции «демократизации» были свернуты, агитация переориентирована на обсуждение второстепенных для избирателей тем и лозунгов, вопросы выборной конкуренции объявлены «ошибками» низовых активистов. Эта обновленная тактика позволила достичь поставленных целей в голосовании в виде «всемирной поддержки». Но еще важнее было то, что правящая верхушка приобрела богатый опыт «демократической» мимикрии своего господства. Она открыла и апробировала не только для себя, но и для других сходных режимов удобные средства политической легитимации длительного характера.

Литература

Дорожкина Я.Б. Избирательные кампании по выборам в верховные и местные советы Западной Сибири: 1937–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. 23 с.

Жуков Ю.Н. Репрессии и конституция СССР 1936 года // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 3–25.

Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М.: Аква-Терм, 2015. 512 с.

Журавлев В.П., Фортунатов В.В. Избирательная система и выборы в РСФСР в 1937–1987 годах // Журнал о выборах. 2014. № 1. С. 39–49.

Институт выборов в Советском государстве 1918–1937 гг. в документах, материалах и восприятии современников / под общ. ред. Ю.А. Веденеева и И.Б. Борисова. М.: РОИИП, 2010. 880 с.

Кропачев С.А. Советская пропаганда 1937–1938 годов о масштабах массовых политических репрессий // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 2. С. 76–91.

Курьянович А.В. Выборы в Верховный Совет СССР 1937 г. как легитимация советского общественно-политического режима (на примере Белорусской ССР) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. Т. 22, № 1. С. 46–53.

Макарцев А.А., Юсубов Э.С. Выборы в Верховный Совет СССР 1937 года как этап формирования отечественного избирательного права и процесса (на материалах Западно-Сибирского края) // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 4. С. 48–61.

Павлова И.В. 1937: выборы как мистификация, террор как реальность // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 19–37.

Папков С.А. Выборы в Верховный Совет СССР 1937 года. Внедрение советских избирательных манипуляций // Вопросы истории. 2016. № 11. С. 3–15.

References

Dorozhkina, Ya.B. (2004). *Izбирatel'nye kampanii po vyboram v verhovnye i mestnye sovery Zapadnoy Sibiri: 1937–1941 gg.* [Electoral Campaigns for Elections to the Supreme and Local Councils of Western Siberia: 1937–1941], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 23 p.

Kropachev, S.A. (2011). *Sovetskaya propaganda 1937–1938 godov o masshtabah massovykh politicheskikh repressiy* [Soviet Propaganda of 1937–1938 on the Scale of Mass Political Repressions]. In *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya*. No. 2, pp. 76–91.

Kur'yanovich, A.V. (2016). *Vybory v Verhovnyy Sovet SSSR 1937 g. kak legitimatsiya sovetskogo obshchestvenno-politicheskogo rezhima (na primere Belorusskoy SSR)* [Elections to the Supreme Soviet of the USSR in 1937 as Legitimization of the Soviet Socio-Political Regime (on the Example of the Byelorussian SSR)]. In *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*. Vol. 22, No. 1, pp. 46–53.

Makartsev, A.A., Yusubov, E.S. (2018). *Vybory v Verhovnyy Sovet SSSR 1937 goda kak etap formirovaniya otechestvennogo izbiratel'nogo prava i protsessa (na materialah Zapadno-Sibirskogo kraya)* [Elections to the Supreme Soviet of the USSR in 1937 as a Stage of Formation of domestic Electoral Law and Process (On the Materials of the West Siberian Region)]. In *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*. No. 4, pp. 48–61.

Папков, С.А. (2016). *Vybory v Verhovnyy Sovet SSSR 1937 goda. Vnedrenie sovetskikh izbiratel'nykh manipulyatsiy* [Elections to the Supreme Soviet of the USSR in 1937. Introduction of Soviet Electoral Manipulations]. In *Voprosy istorii*. No. 11, pp. 3–15.

Павлова, И.В. (2003). *1937: vybory kak mistifikatsiya, terror kak real'nost'* [1937: Elections as Hoax, Terror as Reality]. In *Voprosy istorii*. No. 10, pp. 19–37.

Vedeneev, Yu.A., Borisov, I.B. (Eds.). (2010). *Institut vyborov v Sovetskom gosudarstve 1918–1937 gg. v dokumentah, materialah i vospriyatii sovremennikov* [The Institute of Elections in the Soviet State 1918–1937 in Documents, Materials and Perception of Contemporaries]. Moscow, ROIP. 880 p.

Zhukov, Yu.N. (2002). *Repressii i konstitutsiya SSSR 1936 goda* [Repressions and the USSR Constitution of 1936]. In *Voprosy istorii*. No. 1, pp. 3–25.

Zhukov, Yu.N. (2015). *Inoy Stalin. Politicheskie reformy v SSSR v 1933–1937 gg.* [The Other Stalin. Political Reforms in the USSR in 1933–1937]. Moscow, Akva-Term. 512 p.

Zhuravlev, V.P., Fortunatov, V.V. (2014). *Izбирatel'naya sistema i vybory v RSFSR v 1937–1987 godah* [Electoral System and Elections in the RSFSR in 1937–1987]. In *Zhurnal o vyborah*. No. 1, pp. 39–49.